

ФИЛОСОФИЯ КАК НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ ТЯГА ПОВСЮДУ БЫТЬ ДОМА

Н. М. Ємельянова

Реферат. *В статье рассматривается сущность философии как ностальгии человека по высшим смыслам бытия. Исследование различных парадигмальных подходов к философии аккумулируется в проблему репрезентации истории человека и его судьбы. Доказывается, что миссия философии как ностальгической тяги повсюду быть дома не только обеспечивает ее проникновение в любые дискурсы, но и эксплицирует возможности конструктивного диалога в рамках человеческого самоосуществления.*

Ключевые слова: *философия, ностальгия, бытие, человек, смысл.*

Определение философии как ностальгической тяги повсюду быть дома дал более двух веков тому назад немецкий романтик Новалис. В этом поэтичном определении тонко схвачена сущность философии как любви к мудрости – стремление уловить скрытую гармонию мира; все понять, прочувствовать и объяснить; прикоснуться к истине, которая прячется в самых неожиданных уголках макро- и микрокосмоса. Философия везде хочет быть дома, ибо нет такой сферы, которая не могла бы стать предметом ее осмысления. Думается, исследование философии как ностальгии человека по высшим смыслам бытия по сей день не утрачивает своей актуальности для философской науки.

Целью данной работы является углубление понимания миссии философии в условиях «эксперимента конца истории», характерного для постсовременности.

Задачей статьи является рассмотрение различных парадигмальных подходов к философии как репрезентации истории человека и его судьбы.

Проблема многоаспектного понимания сущности философии активно исследовалась мыслителями от древности до наших дней. Пожалуй, не было философа, который не пытался бы осмыслить роль и значение философии, независимо от того, как понималась ее сущность. Об этом размышляли мудрецы древнего Востока, не отделявшие философию от религии. Об этом задумывались философы античности, сделавшие основой своего мировоззрения космоцентризм, а затем пластично перешедшие к антропоцентризму. В теоцентристском духе переосмысливали роль философии мыслители средневековья. Погружение в мир научного познания осуществили философы Нового времени. Разобраться в возможностях человеческого разума и определить перспективы философии попытались представители немецкой классики. Антеизм и кордоцентризм легли в основу украинской философии; космизм и соборность определили тематику русской философии. Отказ от метафизических и мировоззренческих проблем обусловили «холодную картину мира» в позитивистской философии. Человек и проблема его подлинного существования, поиски свободы и смысла жизни органично вписались в «теплую картину мира» экзистенциализма и философии жизни. Наконец, постмодернизм, оттолкнувшись от требования тотального плюрализма, обнажил симулякры нашей эпохи и поставил вопрос о «возврате начала философии».

Особый вклад в обоснование философии как учения о наиболее общих принципах бытия внесли Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант, Гегель, Маркс. Философию как искусство постижения жизни развивали Сократ, Новалис, Сковорода, Кьеркегор, Ницше, Соловьев, Унамуно, Хайдеггер, Сартр, Камю, Бердяев и многие другие представители западной и отечественной философии.

Однако понимание сущности философии не может быть исчерпано наработками прошлого; оно содержит множество нюансов, связанных с разновекторными интенциями философского дискурса, который сам по себе многолик и мульти-насыщен. Философия, будучи эпохой, схваченной в мысли (определение Гегеля), демонстрирует обилие смыслов, дающее возможность открывать новое во взаимоотношении человека и мира. Выявление разных смысловых миров, обнаруживаемых философией в кажущейся пустоте кризисного социума, выход на субъекта как своеобразную конечную инстанцию современного «разорванного бытия» представляет элемент научной новизны нашей работы.

Философия ностальгирует по метафизическому и трансцендентному, но точно так же – по стройному порядку в мире вещей. Не случайно основными понятиями в конфуцианстве становятся долг и порядок, причем порядок в семье и порядок в государстве взаимно обуславливают друг друга, а у Пифагора власть самоосуществляется через число, закон и порядок.

Этот порядок надламывается и сменяется хаосом, когда история демонстрирует силу разрушительных процессов, назревающих в глубинных пластах социума и обусловленных деятельностью преследующего свои цели человека. С завидным постоянством история доказывает человеку, что он хотя и мыслящий, но все же тростник. Именно в периоды кризисов и общественных перемен философия становится наиболее уязвимой, а ее миссия – особенно важной. В этой связи весьма любопытным представляется высказывание Морриса Коэна: «Миссия философии состоит в том, чтобы нести как мир, так и меч» [1, р. 369].

Действительно, философия может быть как искусством диалога, требующим толерантности и взаимопонимания, так и руководством к действию, взламывающим привычный порядок вещей. При этом метафизический меч философии выковывается «избранными», а затем сходит в плоскость фактов и становится достоянием масс. Как справедливо отмечает О. Белый, главный смысл октябрьского переворота 1917 года состоял в том, что «переоценка ценностей, провозглашенная Ф. Ницше на исходе XIX столетия, перешла из сферы академической дискуссии в область политического праксиса, вошла в плоть и кровь государства под названием СССР» [2, с. 10].

Заметим, что сами советские марксисты никак не отождествляли свою идеологию с имморализмом Ницше и его поисками всечеловеческой гармонии. Как свидетельствует исторический опыт, высокие идеи нечасто совпадают с приземленным экспериментом. С одной стороны, нельзя не признать правоту Паскаля, утверждавшего, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. С другой стороны, использование на практике тех же идей Ницше или Маркса продемонстрировало уязвимость этих «хороших» теорий, подвергшихся как невольному искажению, так и намеренной фальсификации.

Впрочем, задолго до событий 1917 года революционно настроенные демократы проводили четкую границу между теоретиками-идеологами и «исполнителями». В этом отношении показательна позиция русских «отрицателей» XIX столетия, стремившихся воплотить «чистые» идеи в революционную практику. В частности, Варфоломей Зайцев утверждал, что не поэты и не ученые открывают человечеству новые пути, а люди с грубыми руками; люди же типа Гейне не способны к практической деятельности: «Их дело – готовить переворот, содействовать развитию народа, но... черная работа не для них» [3, с. 214].

На самом деле *работа* философов, несущая как мир, так и меч, имеет дело не только с исконной «грязью» мира, но и, главным образом, с той, которую принесла с собой вычищенная цивилизация. В этом контексте показательна оценка книги М. Штирнера «Единственный и его собственность», данная его современником В. Башем. Оценивая эстетическое впечатление, произведенное этим трудом, он писал: «Одним

ударом мы перенесены из современного общества, этого парка с ровными аллеями, расчетливо насаженными деревьями, мудро подрезанными, и с его молчаливыми и разодетыми посетителями, в глубь джунглей, даже без того «закона джунглей», перед которым склоняются, по Киплингу, блуждающие в них хищники. И перед этими развалинами всего того, что мы считали солидным, постоянным и вечным, мы испытываем чувство мрачной безнадежности...» [4, с. 443].

Действительно, перенеся современного человека в «джунгли», Штирнер осуществил часть той самой черной работы, которую вынуждены предпринимать мыслители в условиях бытийного разлома. Именно такую «черную» работу выполнял С. Кьеркегор в его борьбе с «мерзостями» современности; такой «черный» труд осуществлял Ф. Ницше, отождествляя себя с жителем подземелья, прорывающимся к утренней заре; в абсурдном сизифовом труде пытался найти счастливое мироощущение А. Камю; в мучительной работе ума и сердца совершал свой переход от «слова» к «делу» Ж.-П. Сартр. Все эти мыслители, вслед за Сократом (хотя, как правило, они не считали себя его последователями), дали нам образец мужественной философии. В этом смысле Сократ преподавал урок мужества, которое, по словам П. Тиллиха, способно утверждать жизнь потому, что оно способно утверждать смерть: «Именно такое мужество помогло многим в различных частях древнего мира найти «утешение в философии» в период катаклизмов и перемен» [5, с. 111].

Подобное «утешение» в философии, вслед за древними, искали и находили мыслители разных эпох, но главным образом – эпох катаклизмов и перемен. Характеризуя особенности кризисных времен, Ю.М. Лотман удачно определяет переходную эпоху как момент столкновения чуждых друг другу языков [8, с. 209]. Это столкновение знаменует момент взрыва, который переживается как выключенный из времени, даже если в реальности он протягивается в огромных временных отрезках. Таким образом, эпоха перемен одновременно воспринимается как безвременье с характерными для него отрицательными доминантами – крушением кумиров, разорванностью сознания, массовой аномией. Именно эти симптомы характеризуют ту духовную ситуацию, которая определяет безвременье ушедшего столетия, перешагнувшего в III тысячелетие. Удивительно современными представляются мысли Ортеги-и-Гассета, озвученные им почти столетие назад: «Вообще мы живем в эпоху всеобщего шантажа, у которого два облика с дополняющими друг друга гримасами – угрозой насилия и угрозой глумления» [6, с. 163].

Рыночная ориентация подразумевает не только скрытое насилие и откровенно глумление, но и радикальный прагматизм. Воистину христианский Бог любви терпит поражение от рыночного идола наживы. Дефицит любви неразрывно связан со смысловым дефицитом, означающим не только кризис ценностей, но и утрату духовной компетенции индивида. Смысловой дефицит является следствием непрерывно ускоряющегося развития технологической цивилизации: человеческий опыт, аккумулированный в традиционных ценностях, оказывается недостаточным для развязывания новых проблем.

Утрата множественных смыслов и Смысла в целом обретает форму тотального негативизма. Изменяется сам статус смысла, который утрачивает понятийную прозрачность. Рационалистическая связь вопросов и ответов, возможная относительно «научных» смыслов, проблематична в отношении смыслов «человеческих». Платоновское *удивление* и кьеркегоровское *отчаяние* развели смыслы по разные границы человеческого знания. По этому поводу М. Мамардашвили писал: «Удивляться тому, что есть хаос, войны и т.д. – не философское занятие. Философское занятие начинается тогда, когда перейден край отчаяния и начинается трагическое осмысление» [7, с. 57.]. В конечном счете, человек сам становится для себя огромным знаком вопроса, и искать «смыслы» приходится уже в кажущейся обесмысленности бытия.

Традиційно к епохам, «отрицающим» дух, принято относить, прежде всего, вторую половину XIX века и XX век в целом; соответственно, эта же характеристика тянется шлейфом в наступившее XXI столетие. Неудивительно, что философская мысль на границе II и III тысячелетий изменила смысл самого понятия «современность», отождествив его с «отжившим», устаревшим. По словам нидерландского философа Джона Вериара, современность была отброшена как понятие, причастное к безнадежному, иллюзорному поиску «основы» знания и человеческой идентичности, пониманию человека как доказательства существования (cogito – ergo sum) и одновременно как темы (предмета и цели) [8, p. 367].

В то же время, постмодернистский дискурс не отрицает, что философия является вечным вопрошанием, в том числе – и о себе самой. По образному выражению Ж. Деррида, философия жива своим умиранием, а в общности вопроса о «возможности» вопроса кроется неотъемлемая ответственность: «Почему неотъемлемая? Поскольку невозможное уже имело место. Невозможное согласно целостности вопрошающего, согласно целостности существующего, объектов и детерминаций, невозможное согласно истории фактов имело место: существует история вопроса, который позволяет существовать возможности наследия и чистой памяти в общем и как таковой» [9, p. 118].

Но непрерывное «вопрошание» не означает поиска однозначных ответов, поскольку для философии таковых попросту не существует. Стремление к строгому и последовательному позитивному познанию становится неразрешимой задачей, если эта задача ставится в отношении метафизических смыслов. Поэтому «интуитивную» предрасположенность философии пытались обосновать и средневековые мистики, и Паскаль, и немецкие романтики, и русские религиозные философы. Они были убеждены, что философия не относится к сфере рассудка и поэтому не должна претендовать на какую-либо системность; скорее, она представляет собой наднаучное интуитивное мировоззренческое учение, близкое к религиозной мистике.

Однако философия ностальгирует не только по трансцендентному, но и по эстетическому, стремясь к единству с литературой и искусством. Особенно четко эта тенденция проявляется в творчестве немецких романтиков, руководствующихся девизом: «Чем поэтичнее, тем истинней». Показательна оценка, данная поэзии Ф. Шлегелем: «Вся история современной поэзии – непрерывный комментарий к краткому тексту философии; искусство должно стать наукой, и наука должна стать искусством; поэзия и философия должны объединиться» [10, с. 53]. Данная точка зрения, основанная на убежденности в способности искусства к наиболее выразительному воплощению «правды жизни», к репрезентации истории человека и его судьбы, представляется вполне современной и актуальной.

Мысль об объединении философии и литературы вновь вербализуется представителями постмодернизма, стремящимися выработать новый образ философского мышления и языка. Сценой мировой истории становится «письмо», являющееся единственной конкретной данностью, а язык рассматривается и как вещный, самобытный феномен, и как методологическая основа познания. Власть языка доминирует: он не зависит от внеязыковой реальности, и его внутренние лингвистические элементы понимаются как смыслопорождающие. В этом случае весь мир отождествляется с культурой, которая представляет собой своеобразную совокупность текстов. Создается ситуация тотального «проговаривания», автоматического письма и умолчания, бесконечной смены языков и стилей, признания текста в качестве бесконечного смыслового поля, а лингвистики – в качестве фундамента всей гуманитарной культуры. История предстает в виде нескончаемой вереницы текстов, в которой каждая культурная традиция является «предтекстом» к последующему фрагменту и может быть понята из самой себя.

Ностальгическая тяга философии, приведшая ее в языкознание неопозитивистов, а затем – в постмодернистскую «разборку» текста и философии в целом, обусловила изменение концептуального аппарата европейского мышления. В то же время, множество парадигмальных подходов к реальности не исключает возможности конструктивного диалога. Глубоко прав Э. Гуссерль, попытавшийся определить роль философии в целом: «Философия продолжает выполнять ведущую функцию и решать свою собственную бесконечную задачу – функцию свободной и универсальной теоретической рефлексии, охватывающей также все идеалы и всеобщий идеал, т.е. универсум всех норм. Философия должна всегда выполнять в европейском человечестве свою функцию – архонта всего человечества» [11, с. 110].

Однако, являясь «архонтом» человечества, философия по своей природе остается, по выражению Гегеля, запутанной истиной, открытой немногим и противоречащей так называемому здравому человеческому пониманию. Это понимание, означающее временную видимость ограниченных поколений, представляет мир философии как перевернутый мир. Поскольку мир конечных чувственных вещей представляет собой мнимое бытие, здравый смысл осуществляет невольную негацию философии. То, что для повседневной жизни является полезным, для философии остается безразличным. Поэтому Гегель дает негативную оценку знаниям о человеке: «Столь же мало имеет для философии духа значения так называемое человекознание, стремящееся исследовать в других людях их особенности, страсти и слабости – эти, как их называют, изгибы человеческого сердца – знания, с одной стороны, имеющего смысл только если ему предпослано познание всеобщего – человека как такового, и тем самым по существу – духа, с другой стороны занимающегося случайными, незначительными, неподлинными видами существования духовного, но не проникающего до субстанционального – до самого духа» [12, с. 6].

Неудивительно, что пренебрежительная оценка «человекознания» вызвала к жизни целую волну антигегельянства. Но нельзя не согласиться с Гегелем в том, что философия является запутанной истиной, а существеннейшей проблемой нашего времени остается интерес человека к собственным возможностям. Разочарование в этих возможностях привело субъекта к утрате внутриличностной гармонии. Появилось понятие «бегство от себя», ставшее чрезвычайно популярным в XX столетии. Любопытно, что данное понятие осмысливалось в свое время А. Герценом: «Наша жизнь – постоянное бегство от себя... В этой боязни исследовать, чтоб не увидеть вздор исследуемого, в этом искусственном недосуге, в этих поддельных несчастьях, усложняя каждый шаг вымышленными путями, мы проходим по жизни спросонья и умираем в чаду нелепости и пустяков, не пришедши путем в себя» [13, с. 14]. Эти строки прямым образом перекликаются с рассуждениями Э. Фромма, видевшего смысл жизни в том, чтобы каждый день заново переживать свое рождение, а не становиться жертвой столь распространенного явления нашего времени, когда человек умирает, так и не успев начать жить.

Но ностальгия по подлинному существованию, характерная для экзистенциалистской философии, не исчерпывает палитру способов человеческого мироотношения. Естественным образом в условиях постоянного бегства против часовой стрелки наиболее удобной становится прагматическая позиция. Она вырабатывает формы мышления, осуществляющие отбор полезного и превращающие структуру мира в антропоморфную. Но восприятие реальности как мира созерцания и приспособления оставляет открытым вопрос о субъекте философского знания. Философия, утратившая картезианско-гегелевский абсолют, должна ответить на вопрос о том, кто приходит на смену субъекту. Этот вопрос, ставший результатом драматических перемен в философском сознании, предполагает освоение опыта переживания современности.

Ортега-и-Гассет, сетуя на забвение философией своей истинной миссии, с надеждой писал: «В день, когда воцарится подлинная философия – единственное, что

может спасти Европу, – вновь откроется, что человек, хочет он того или нет, самой природой своей предназначен к поискам высшего начала» [10, с. 110]. Эти ностальгические поиски в условиях кризисного социума превращают реальность в пограничную территорию внутри единого культурного пространства, где самоочевидность Бытия низводится к огромному вопросительному знаку. Ориентация на локальные культурные стандарты и ценности приводит к утрате людьми интегральной смысловой картины собственного существования. Невозможность подвести ценности под дискурсивно-объяснительную схему, годную на все времена, делает актуальной проблему их адекватного опознавания в переходные эпохи. Социальное отношение, проявленное в ценности как его предметная форма, выражает интересы субъекта как своеобразной конечной инстанции. В конечном счете, ценностным является то, что открывает возможность усовершенствования личности и улучшения ее бытия.

Бесконечно ностальгируя, философия обнаруживает в кажущейся пустоте кризисного социума разные смысловые миры. Думается, глубоко прав М. Хайдеггер, определивший философию как «последнее выговаривание и последний спор человека, захватывающие его целиком и постоянно» [14, с. 330]. Такое «последнее выговаривание», как и «последний спор» человека, как никогда важны в нынешнюю эпоху, грозящую стать «последней» уже не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Возможно, именно в этом непрекращающемся выговаривании, содержащем в себе тоску человека по высшей самоактуализации, и состоит призвание философии как ностальгической тяги повсюду быть дома.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Многоликость и содержательная насыщенность философского дискурса позволяет обнаружить в нем обилие смыслов, дающее возможность открывать новые грани взаимоотношения человека и мира.

2. Философия онтологически содержит в себе ностальгию как по трансцендентной гармонии бытия, так и по стройному порядку феноменального мира.

3. В ценностном вакууме кризисного общества философия осуществляет выход на субъекта как конечную инстанцию постсовременности.

4. Миссия философии как ностальгической тяги повсюду быть дома не только обеспечивает множество парадигмальных подходов к реальности, но и эксплицирует возможности человеческого самоосуществления в условиях вызывающе провокационного постмодерного бытия.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається сутність філософії як ностальгії людини за вищими смислами буття. Дослідження різних парадигмальних підходів до філософії акумулюється у проблему репрезентації історії людини та її долі. Доводиться, що місія філософії як ностальгичної тяги всюди бути вдома не тільки забезпечує її проникнення в будь-які дискурси, але й експлікує можливості конструктивного діалогу в рамках людського самоздійснення.

Ключові слова: філософія, ностальгія, буття, людина, смисл.

SUMMARY

In the article the essence of philosophy as nostalgia of a person for the higher senses of being has been analyzed. The investigations of different paradigms and approaches to philosophy are accumulated in the problem of representation of human's history and destiny. It has been proved that the mission of philosophy as a nostalgic craving for being at home everywhere not only allows it to run through different discourses but also explicates the ability of constructive dialogue in the context of human existence.

Key words: philosophy, nostalgia, being, human, sense.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Morris, R. Cohen. Reason and Nature [Текст] / R.Cohen Morris. – Brage : Harcourt, 1931. — 382 p.
2. Белый, О. Нигилизм и политические фантомы посткоммунистической эпохи [Текст] / О. Белый // Политическая мысль. – 1994. – № 4. – С. 10—16.
3. Кузнецов, Ф. Ф. Нигилисты: Д.И. Писарев и журн. «Русское слово» [Текст] / Ф. Кузнецов – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Худож. лит., 1983. – 598 с.
4. Баш, В. Индивидуалистический анархист Макс Штирнер [Текст] / В. Баш // Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков : Основа, 1994. – С. 442—474.
5. Тиллих, П. Мужество быть [Текст] / П. Тиллих // Новый круг. – III. – 1993. – № 1. – С. 106—120.
6. Ортега-и-Гассет. Восстание масс [Текст] / Ортега-и-Гассет // Ортега-и-Гассет. Избр. труды: Пер. с исп. – М. : Изд-во «Весь мир», 1997. – С. 43—163.
7. Мамардашвили, М. Введение в философию. Лекции 3-6 [Текст] / М. Мамардашвили // Новый круг. – III. – 1993. – № 1. – С. 54—100.
8. Verhaar, I. Quel sens au postmodernisme? [Текст] / I.Verhaar // Etudes : Rev.mens. – P., 1994. – t. 380. – № 3. – P. 367—373.
9. Derrida, J. Violence et metaphysique. Essai sur la pensee d'Emmanuel Levinas // Derrida I. lecriture et la difference. – Paris : Editions du Senil, 1967. – P. 91—128.
10. Литературные манифесты западно-европейских романтиков [Текст] / Под ред. А.С.Дмитриева. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 638 с.
11. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия [Текст] / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 101—115.
12. Гегель. Энциклопедия философских наук [Текст] / Гегель. — В 3 т. – М. : Мысль, 1977. – Т. 3: Философия духа. – 471 с.
13. Герцен, А. И. С того берега [Текст] / А. И. Герцен // Герцен А.И. Сочинения в 2-х т.: Т. 2 / Редкол.: М.Б. Митин (пред.) и др., Общ. ред. А.И. Володина, З.В. Смирновой; Сост., авт. примеч. З.В. Смирнова. – М. : Мысль, 1986. – С. 3-117.
14. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики [Текст] / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – С. 327—344.
15. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю.М. Лотман. – М. : Гнозис, 1992. – 272 с.

Надішла до редакції 02.09.2013 р.